

ПАМЯТИ ДИАНЫ, КОСТИ,
СВЕТЛАНЫ И ЮРИЯ КАЛОВЫХ.
ПОКОЙТЕСЬ С МИРОМ!

ОТ АВТОРА

Главный герой этой книги — Виталий Константинович Калоев. Осетин, имя которого стало известно миллионам людей в России и за ее пределами, после того как в феврале 2004 года в пригороде Цюриха он убил авиадиспетчера Питера Нильсена, по вине которого в ночь с 1 на 2 июля 2002 года в небе над Германией столкнулись два самолета. На борту одного из них находилась вся семья Калоева: супруга Светлана и двое детей — 10-летний Костя и 4-летняя Диана.

После убийства диспетчера общество разделилось: одни были готовы понять и принять поступок Калоева, другие — настаивали на том, что убийству

нет и не может быть оправданий. К числу последних относился, например, и один из российских консулов, посещавший Калоева в швейцарской тюрьме по долгу службы. Но его мнение изменилось после того, как у него самого погиб 16-летний сын. «Невозможно понять горе и отчаяние человека, потерявшего ребенка, пока сам не окажешься на его месте. Я сожалею, что осуждал вас, — сказал он Калоеву. — Если бы я знал, кто убил моего сына, и знал наверняка, что виновный не будет наказан, то скорее всего поступил бы так же, как вы».

Я не ставлю задачей оправдать в глазах читателя Виталия Калоева. Даже он сам не оправдывает себя. Ведь, несмотря на то что ему пришлось пережить, он все-таки переступил черту, убил человека. Но что заставило его сделать этот шаг? Кровная месть, якобы все еще распространенная на Северном Кавказе, о чем так много писали западные СМИ? Умопомешательство из-за потери близких? Или бездействие и равнодушие тех, кто должен был призвать к ответу виновных в произошедшей катастрофе? И если последнее верно, то как еще можно было поступить в ситуации, когда деньги и власть явно перевешивали справедливость?

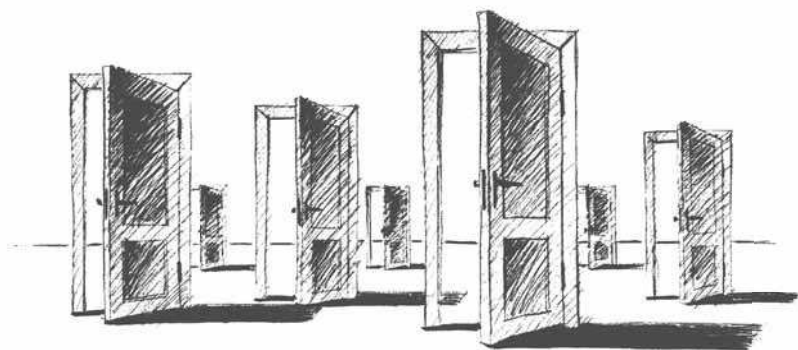
«Столкновение» — это не только о столкновении двух самолетов, это еще и столкновение разных менталитетов, разных систем ценностей, в которых живем

мы и Западная Европа. А еще это о столкновении с самим собой. О том, как под влиянием тяжелых жизненных обстоятельств можно обнаружить внутри самого себя незнакомого человека, представления о жизни и морали которого диаметрально противоположны, вступить с ним в схватку и не проиграть ее. О том, как каждый день приходится сталкиваться со своей слабостью, чувством вины, отчаянием и одиночеством.

Это реальная история человека, потерявшего всё. Не только семью, но и смысл жить. Потому что в его системе ценностей дети — это единственное, ради чего имеет смысл жить. Жить по-другому он не научился даже сейчас, спустя почти 15 лет после авиакатастрофы.

Книга основана на воспоминаниях людей, помогавших Виталию Калоеву в первые дни после авиакатастрофы на месте крушения самолетов, и тех, кто находился рядом с ним во время следствия и суда по делу об убийстве Нильсена. На воспоминаниях родственников главного героя и, конечно, в первую очередь на воспоминаниях самого Виталия Калоева. Он впервые откровенно ответил на многие вопросы, в том числе и о том, было ли убийство Нильсена непреднамеренным, как решил в итоге суд.

Ксения Каспари

ПРОЛОГ

**24 февраля 2004 года
Спустя год и восемь месяцев
после авиакатастрофы
Клотен, Швейцария**

Рев моторов нарастал. Самолет бежал по взлетно-посадочной полосе мимо стеклянного здания цюрихского аэропорта. Секунды — и он уже в небе. Запрокинув голову, Виталий Калоев смотрел на «Боинг», пока проблесковые маячки не стали едва различимыми.

Очередная сигарета, дотлев до фильтра, обожгла пальцы. Он бросил окурок на землю и затушил ботинком. Посмотрел на часы — 17:45.

На улице уже темнело. Зажглись фонари и свет в окнах. Изредка, когда смолкал гул взлетающих

и садившихся самолетов, из домов доносились уютные звуки обыденной жизни: звон посуды, смех, тихая музыка или бормотание телевизора. Обычный вечер обычной жизни, которой у него давно уже нет и никогда не будет.

«Все, хватит! Сколько можно тянуть?»

Виталий стоял здесь больше часа — в двадцати метрах от дома, в дверь которого ему предстояло постучать, — и прокручивал в голове одни и те же вопросы: «Узнает ли он меня? Придется ли объяснять, зачем пришел?»

В окне соседнего коттеджа дернулась штора и снова мелькнула едва различимая темная фигура. Кто-то наблюдал за ним последние пятнадцать минут.

Калоев нащупал в кармане складной швейцарский нож и медленно двинулся к нужному дому. Одноэтажное строение неприятного грязно-розового цвета с двумя белыми дверями. Он прошел мимо них и повернул за угол. Дом стоял на холме, а внизу, на равнине, расположился цюрихский аэропорт. Отсюда вся взлетно-посадочная полоса как на ладони. Размером с нее казались самолеты, здание терминала и диспетчерская башня — место работы человека, с которым через несколько минут он наконец встретится лицом к лицу.

Виталий постучал в стеклянную дверь на веранде. Через несколько секунд невидимая рука сдвинула штору, и он увидел испуганное женское лицо.

Натянуто улыбнувшись, он приложил к стеклу лист бумаги с записанным на нем именем и адресом. Помедлив, женщина немного приоткрыла дверь.

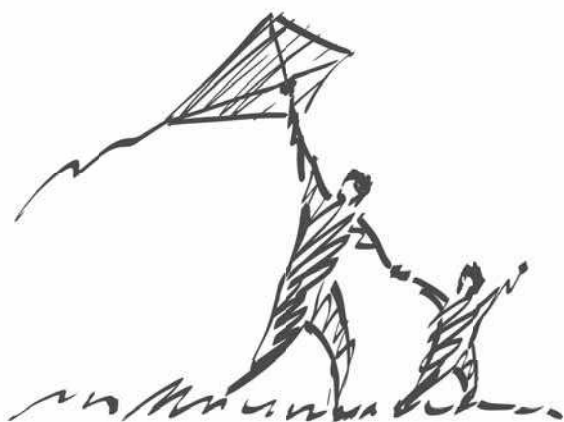
— Вы кого-то ищите? — спросила она.

— Добрый вечер, — ответил Виталий и протянул ей бумагу.

Женщина бросила на нее беглый взгляд, кивнула и указала рукой на соседнюю дверь.

Несколько шагов — и негромкий стук, прозвучавший внутри него гулким набатом. Дверь открылась почти мгновенно. Так, словно хозяин давно ждал на пороге. Их глаза встретились, и Виталий тут же понял — объяснять ничего не придется. Его узнали. Но на всякий случай все же сказал:

— Ich sien Russland! (Я есть Россия!)

ГЛАВА 1

НАВСТРЕЧУ НЕИЗБЕЖНОМУ

1 июля 2002 года

5 часов до катастрофы

Бланес, Коста-Брава, Испания

За окном белого «мерседеса» тянулось бесконечное, но, увы, не родное Черное, а чужое Средиземное море. Июль — пик сезона, и на песчаной гряде курортного Бланеса не было ни одного свободного места. Белые тела только что приехавших на побережье и загорелая кожа давно отдыхающих туристов выглядели гигантской пешеходной дорожкой — живой, вяло шевелящейся «зеброй». И что только люди находят в этом праздном возлежании под палящим солнцем?

Бланес — один из самых старейших испанских курортов, город находится в 60 км на северо-восток от Барселоны в Каталонии, население около 40 тысяч. Ближайшие аэропорты в Жироне и Барселоне (россияне предпочитают именно его).

Сам Виталий Калоев за два года жизни в Испании на пляже был всего пару раз. Отчасти потому, что моря не любил. Он, как всякий кавказец, любил горы. И считал, что лучше гор могут быть только горцы. Настоящий горец не тратит время, нежась под солнцем. Это занятие для женщин. И его Света, конечно же, тоже обожала поваляться на пляже. Виталий не видел семью почти год и в ожидании встречи то и дело рисовал в своем воображении скорый совместный отпуск. Самолет еще не вылетел из Москвы, а он уже в нетерпении ехал встречать его в Барселоне.

Глядя на море, Виталий представлял себе жену у кромки воды: она держит за руку Диану и следит за тем, как ныряет Костик, ведь за ним нужен глаз да глаз. Сыну десять, и он абсолютно бесстрашный и очень активный. Дочери всего четыре. На море она еще ни разу не была, но, зная ее характер, Виталий не сомневался, что воды малышка не испугается. Диана

росла среди мальчишек. Кроме родного брата, у нее было несколько двоюродных и троюродных, с любым из них дочь могла посостязаться в смелости и скорости. Очевидно, что вытащить из воды Диану каждый раз будет весьма непростым делом. И все же Виталий решил, что море будет только по утрам, до сиесты, а после — культурная программа.

Виталий Калоев, как всякий кавказец,
любил горы. И считал, что лучше гор могут
быть только горцы. Настоящий горец
не тратит время, нежась под солнцем.

В пригороде Бланеса расположен самый большой в стране ботанический сад «Мар и Муртра». Костику должно было понравиться. Конечно, палеонтологический музей впечатлил бы его больше, сын был абсолютно помешан на динозаврах, но гигантские кактусы, пережившие эру птеродактилей и тираннозавров, должны были его впечатлить. Ну и конечно, замок Сан-Хуан XIII века, романская базилика Святой Барбары XII столетия заинтересовали бы всех. В их семье любили историю. «Надо будет, кстати, рассказать Костику о родстве каталонцев и аланов», — подумал в тот момент Виталий.

Спустившись в город на автомобиле, он сбросил скорость и, проехав пару кварталов, остановился у небольшого магазинчика. Его хозяин Хесус (Виталий называл его Иисус) приветливо улыбнулся и, закатив глаза, провел тыльной стороной ладони по лбу. Это означало, что сегодня очень жарко. Виталий поприветствовал приятеля взмахом руки, а в знак согласия с его метеонаблюдениями кивнул головой. За два года в Испании он научился обходиться почти без слов, одним только языком международных жестов. По-испански, впрочем, уже достаточно хорошо понимал, а говорил все еще кое-как.

— Qué tal, Vitali? — спросил Хесус.

— В Барселону еду, в аэропорт. Моя семья прилетает! — ответил Виталий, щедро разбавляя свой скудный испанский красноречивыми жестикуляциями.

И Хесус, видимо, все понял. Его улыбка стала шире, он ударил в ладоши и прокричал:

— Поздравляю! — и еще что-то, из чего Виталий понял только один глагол «esperar» («ждать»), но догадался, о чем идет речь.

— Да, да! Долго ждал!

Виталий прошел к полкам с шоколадом. Нашел самую большую плитку и взял сразу две штуки, а потом

и еще какие-то конфеты типа «Скитлс». Увидел целое ведро с разными сладостями. Подумал: взять, что ли, и его? Света, конечно, станет ругаться, но Диана точно дала понять в последнем телефонном разговоре, чего ждет от первой встречи с отцом после долгой разлуки. «Купи мне маленькие плитки, большие шоколадки!» — сказала она ему по телефону. И он не мог ее разочаровать! Кто в семье Калоевых посмел бы ослушаться Принцессы Дианы? А ведь когда-то Виталий хотел назвать ее в честь своей матери — Ольгой...

Сын Костя носил имя деда — человека уважаемого во всей Осетии, заслуженного учителя, который, несмотря на скудный достаток, каждый раз, когда выбирался из деревни в город, привозил своим детям сладости. И обязательно книги. У них было очень много книг! Такой библиотеки, как в семье Калоевых, не было даже в местной школе и сельсовете. Это отец Константин привил Виталию, его братьям и сестрам любовь к чтению и истории. А Виталий привил эту любовь и Костику.

Такой библиотеки, как в семье Калоевых,
не было даже в местной школе
и сельсовете.

Уже в семь лет сын Виталия знал всех своих предков до четырнадцатого колена. А имя себе он, можно сказать, выбрал сам: Костя родился ровно через четыре года после смерти деда, день в день — 19 ноября. И было бы как-то вполне логично, по мнению Виталия, назвать дочь в честь матери, уравнивать, так сказать, родителей. Но Светлана и Костик выступили против него единым фронтом, они хотели назвать девочку в честь британской принцессы Дианы.

И родилась ведь действительно Принцесса! По крайней мере, отцом девочка повелевала безраздельно. Никто и никогда не имел над ним такой власти! Один ее голос, даже по телефону, пробуждал в нем какую-то болезненную, просто нечеловеческую любовь — он готов был слушать ее часами. И здесь, в Испании, вся работа вставала, когда Виталию звонила Дочь. Она сама набирала номер телефона отца, и он очень этим гордился. Ну, вот вы много знаете четырехлетних детей, способных запомнить и самостоятельно набрать десятизначный номер?..

Между отцом и дочерью словно была
какая-то невидимая, мистическая связь.

Диана даже на расстоянии хорошо
чувствовала и отцовские настроения.

Диана рассказывала Виталию все новости. Что случилось у соседей, которых она обходила каждое утро с большой кружкой (пила парное молоко); что происходило у родственников (у Калоевых очень большая семья) — всегда было что-нибудь интересное, чем хотелось поделиться. Когда заканчивались новости, Диана пела отцу или рассказывала стихи из числа недавно выученных в детском саду. Света иногда даже обижалась: «С Дианой вы по сорок минут разговариваете, а со мной ты и трех слов не обронишь!» Он смеялся и просил вернуть трубку дочери.

Между ними словно была какая-то невидимая, мистическая связь. Свету вначале это даже пугало. Диана, например, заранее чувствовала, когда отец возвращался домой.

— Мама, папа дома!

— Нет, дочь, ворота закрыты, нет машины. Папа еще на работе.

— Нет, он дома!

Минут через пять открывались ворота, и во двор въезжала машина Виталия.

Диана хорошо чувствовала и отцовские настроения. Даже на расстоянии. Она часто звонила ему именно тогда, когда на Виталия накатывала хандра, мучила тоска по дому, по семье, по горам.

- Папа, ты грустный!
- Это потому, Диана, что я очень соскучился!
- А может быть, ты съел слишком много тараканов?

Тараканами они между собой называли морепродукты. Виталий не придумал лучшего объяснения тому, что такое креветки и мидии, и назвал их просто «морскими тараканами». И Диана в детском саду живописала воспитателям ужасы отцовской жизни за границей: «Мой папа работает на стройке в Испании и ест тараканов!»

Костик Виталию, конечно же, тоже звонил, но обычно по делу. Если, например, никак не получался какой-нибудь прием. Сын занимался вольной борьбой, как и все (ну или почти все) мальчишки на Северном Кавказе. Ни в одном другом регионе мира не встретишь столько чемпионов — города, области, страны и даже мира, — и все по вольной борьбе. Общался с отцом Костик и на другие темы, например если нужно было попросить о какой-нибудь ну совершенно необходимой вещи. Последний раз это был телескоп. Астрономия — вторая страсть Костики после динозавров. Виталий обещал ему телескоп, как только семья вернется из Испании.

А недавно Костик звонил своему отцу, чтобы «разобраться». Прямо так и сказал: «Нам надо разобратсья! Мальчишки в школе говорят, что ты домой

не вернешься, потому что у тебя там уже давно другая женщина есть!» Виталий не засмеялся, ведь сын пытался быть настоящим мужчиной, защищал честь семьи. Он просто сказал Костику, что любит маму. И его любит. И Диану. И нет в мире такой силы, которая может ему помешать вернуться домой.

Костик занимался вольной борьбой,
как и все (ну или почти все) мальчики
на Северном Кавказе. Ни в одном другом
регионе мира не встретишь столько
чемпионов — города, области, страны
и даже мира, — и все по вольной борьбе.

Со своей супругой Виталий в основном говорил о делах, они и не предполагали даже, что в Испании все сложится так удачно. Это было какое-то невероятное стечение обстоятельств.

Виталий еще в Осетии построил для своего друга Ибрагима дом и завод по производству алкоголя. На этой «пьяной» стройке Виталий сломал ногу — угодил в шестиметровую яму и год пролежал в гипсе. А тут еще и дефолт 98-го грянул, его строительная компания приказала долго жить. Денег не было

совсем, и тогда Ибрагим предложил приехать в Испанию. Таким образом, в Бланес Калоева заманил друг, который купил дом и хотел его перестроить. Но сначала его звали, конечно, просто в гости на некоторое время. Ибрагим знал, что когда Виталий увидит фронт работ, не удержится, вовлечется, ведь Калоев был из тех счастливицков, которые любят свое дело. Виталий мог часами сидеть за столом за чертежами своих будущих домов.

Во времена Советского Союза Калоев строил только типовые блочные пяти- и девятиэтажки, серые и одноликие, они сами по себе не были поводом для гордости. Но он ими гордился, потому что его дома стояли в Приэльбрусье — там, где еще совсем недавно и дорог-то не было. Калоев и его коллеги были первопроходцами: строили и дороги, и дома. А когда Союз рухнул, Виталию открылись совсем другие вершины.

На рынке появились стройматериалы, о которых раньше и мечтать не приходилось, сантехника невиданной советским человеком красоты и удобства, богатые обои и яркие краски. В конце 80-х Виталий создал свой строительный кооператив и за несколько лет построил во Владикавказе около сотни частных домов — один другого красивее. В 91-м даже взялся церковь возводить. До него за строительство храма никто не хотел браться, это ведь благотворительность, дохода ноль. Виталия вызвали в трест, надавили, как говорится, на больное: «Твой отец такой замечательный

человек был! Столько людям добра сделал! Он бы тобой гордился!» Ну и Света опять-таки все уши прожужжала: «Нельзя от такого отказываться! Нельзя отказываться!» И Калоев решился. Надо было приумножить фамильную славу!

Виталий Калоев был из тех
счастливчиков, которые любят свое дело.
Он мог часами сидеть за чертежами
своих будущих домов.

Во Владикавказе уже есть улица имени Калоева, в честь Заурбека Калоева, представлявшего горские народы в ЦИК СССР. В семье два Героя Советского Союза: Александр Калоев, так же как Александр Матросов, во время Великой Отечественной войны закрыл собой амбразуру; Георгий Калоев получил звание за освобождение Будапешта. Так пусть теперь будет и церковь, построенная Калоевым. Залил фундамент, поставил стены, потратив половину средств, заработанных на строительстве частных домов, а потом храм у Виталия просто отобрали.

Приближались первые выборы мэра, и кандидаты — вчерашние коммунисты и атеисты, а теперь вдруг демократы и православные, — развернули

настоящую войну за право достроить храм. Это был верный способ поднять рейтинг. В итоге церковь превратилась в долгострой.

Во Владикавказе есть улица имени Калоева, в честь Заурбека Калоева, представлявшего горские народы в ЦИК СССР. В семье два Героя Советского Союза: Александр Калоев во время Великой Отечественной войны закрыл собой амбразуру; Георгий Калоев получил звание за освобождение Будапешта.

Курортный Бланес же в конце 90-х переживал настоящий строительный бум. Уютный, тихий городок на знаменитом побережье Коста-Брава облюбовали «русские»: ими, как водится, местные жители называли не только самих россиян, но и всех соседей по СНГ. Виталий еще не закончил работу у Ибрагима, когда стал получать предложения от других соотечественников.

Бригада Калоева пользовалась в Бланесе хорошей репутацией. Во-первых, проделанная качественная

работа говорила сама за себя. У дома, построенного для Ибрагима, останавливались фотографироваться туристы. Здание выглядело столь внушительно, что казалось и не частным домом вовсе, а старинным, тщательно отреставрированным замком какого-нибудь знатного семейства. Во-вторых, у Калоева уже все было «схвачено». Он перезнакомился с владельцами всех строительных магазинов в округе. У одних закупал отделочные материалы, у других — сантехнику, у третьих — инструменты. И все со скидками, в некоторых торговых точках — до 30 процентов. Незнание языка налаживать деловые контакты не мешало. Если уж совсем не понимали: «Ке кьерес, Виталий, ке кьерес?», он брал листок и рисовал, что ему нужно. Ну а уж расположить к себе людей можно и без слов. Виталий для этого применял метод, широко распространенный на родине, — бутылочка хорошего вина и что-нибудь сладкое, например торт. И не привыкшим к таким «бизнес-переговорам» испанцам все-таки приходилось бросать работу и садиться пить чай, а то и чего покрепче с этим «странным, но таким обаятельным русским».

Виталий помогал соотечественникам с покупкой стройматериалов, но на работу ни к кому из них так и не подрядился. Вместо этого он подумывал о том, чтобы начать свой строительный бизнес. Конечно, придется на первых порах взять кредит в банке, но его жена (а она у него финансист со стажем) давно

все просчитала и пришла к выводу, что риски минимальные. Впрочем, этот бизнес-проект им еще предстояло обсудить, как только Светлана прилетит в Бланес.

Виталий для решения вопросов
применял метод, широко
распространенный на родине, —
бутылочка хорошего вина
и что-нибудь сладкое, например торт.
И не привыкшим к таким «бизнес-
переговорам» испанцам все-таки
приходилось бросать работу и садиться
пить чай, а то и чего покрепче с этим
«странным, но таким обаятельным
русским».

А пока Виталий закупал сладости для детей в магазине Хесуса. Он выложил на кассу внушительную гору шоколада. Владелец пропускал товар через ленту и смеялся: «Виталий, они это до конца лета не съедят!» Калоев кивнул, улыбнулся и посмотрел на часы. Света и дети как раз должны вылетать.